

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Губанова Юлия Васильевна

**КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ
ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Направление подготовки: 10.02.20 Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» на кафедре межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Чудинов Анатолий Прокопьевич

Секретарь государственной
экзаменационной комиссии

М. Р. Бабикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная научная квалификационная работа посвящена анализу коммуникативных стратегий в современном политическом дискурсе.

В современном мире политические отношения занимают значимую нишу в структуре государственного управления: от действий политических деятелей зависит направленность и реализация политического курса, на политиков ориентируются, а их речь разбирается на цитаты и тщательно анализируется представителями различных научных сообществ. Являясь объектом междисциплинарных исследований, политический дискурс широко исследуется представителями различных областей наук – психологии, социологии, политологии, философии, педагогики, журналистики. Однако животрепещущий интерес вышеупомянутый феномен вызывает у ученых-лингвистов, стремящихся раскрыть различные аспекты данного явления, детально описать механизмы его осуществления и развития, чтобы в дальнейшем иметь возможность определить ключевые языковые средства, задействованные в реализуемых коммуникативных стратегиях политического дискурса. Данные действия позволят в дальнейшем предсказать успех или неудачу выступлению политического лидера, а также помогут грамотно выстроить убеждающую речь.

Несмотря на то, что внимание к языку политики было обращено еще в Древней Греции и Древнем Риме, где предпринимались попытки обобщить и систематизировать риторические средства для придания речи большей убедительности, на сегодняшний день нет единого определения термина «политический дискурс». Отсутствие единого толкования позволяет рассмотреть феномен с различных сторон.

Активное изучение политического дискурса началось еще в 1980-е гг., и на сегодняшний день уже систематизированы многочисленные процессы построения речи. За период исследования политического дискурса были даны его определения (Т. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Б. П. Паршин, А. Н. Баранов, Е. Г. Казекевич), обозначены функции (Е. В. Афанасенко, П. Чилтон, К. Шефнер),

а также сформированы и исследованы узкоспециальные сферы, которые положили начало новым научным школам таким, как политическая лингвистика (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев), политическая коммуникация (Г. Лассуэл, П. Лазерсфельд). Однако, несмотря на всё вышесказанное, до сих пор нет единого мнения по поводу выбора тех или иных коммуникативных стратегий для достижения необходимого коммуникативного эффекта. Политики используют широкий спектр языковых средств в своих выступлениях, которые не только воздействуют на публику, но и подчеркивают их индивидуальность.

Таким образом, **проблема** исследования заключается в неоднозначном подходе к феномену «политический дискурс», а также использовании политиками разных стран различных коммуникативных стратегий для достижения соответствующего эффекта.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием систематического поля коммуникативных стратегий, а также недостаточной изученностью языковых средств, используемых в них.

Объектом настоящего исследования выступают коммуникативные стратегии, реализуемые в британском и французском политическом дискурсе. **Предмет** исследования – языковые единицы, формирующие семантическое поле коммуникативных стратегий.

Вышеуказанная проблема задала **цель** исследования - изучить и структурировать языковые элементы, используемые в коммуникативных стратегиях, упомянутых в речи политиков, а также выбрать наиболее успешные единицы речи. Для достижения цели, обозначенной выше, требуется решить следующие задачи общелингвистические и частные **задачи**:

- 1) определить место коммуникативных стратегий в политическом дискурсе сегодня;
- 2) определить роль коммуникативных стратегий в достижении воздействующего эффекта в речи политических деятелей;

- 3) отобрать коммуникативные стратегии с наибольшим речевоздействующим эффектом;
- 4) выявить языковые единицы, используемые в британском политическом дискурсе;
- 5) выявить языковые единицы, используемые во французском политическом дискурсе;
- 6) проанализировать 4 коммуникативные стратегии в британском и французском политическом дискурсе, а именно: аргументативную стратегию, стратегию метафоричности, стратегию прецедентности, стратегию диалогичности;
- 7) сопоставить языковые единицы, выявленные в четырех коммуникативных стратегиях, перечисленных выше;
- 8) провести сравнительный анализ языковых единиц в указанных стратегиях в британском и французском политическом дискурсе соответственно;
- 9) разработать модель успешной коммуникативной стратегии, опираясь на данные проведенного анализа.

Для решения задач были использованы следующие **методы**: метод критического обзора научной литературы (с целью изучить и обобщить накопленные сведения о термине «политический дискурс», провести параллель с термином «президентский дискурс», а также рассмотреть его функции и способы реализации в речи посредством коммуникативных стратегий), метод сплошной выборки фактического материала (были отобраны и проанализированы 1079 языковых единиц), метод интенционального анализа (определение числа языковых компонентов в рамках речевого акта), метод контекстуального анализа (в ходе данного метода удалось установить, какие ситуации оказались наиболее успешными, а соответственно, какие коммуникативные стратегии явились эффективными), сравнительно-сопоставительный метод (проведена компаративная параллель между языковыми единицами проанализированных коммуникативных стратегий политического дискурса британских и французских политических деятелей),

метод количественной обработки данных (составлены графики сравнений количества используемых языковых средств в политическом дискурсе представителей двух стран).

Материалом исследования послужили тексты речей политических деятелей Великобритании и Франции. Всего было проанализировано 35 текстов, в которых выделено 1079 языковых единиц, представляющих значимость для данной работы. Все тексты речей были взяты с официальных источников, находящихся в свободном доступе.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в данной работе проанализированы и сопоставлены четыре коммуникативные стратегии: аргументативная стратегия, стратегия метафоричности, стратегия прецедентности и стратегия диалогичности на материале речей современных политических деятелей Великобритании и Франции. Наибольшую значимость представляют результаты, полученные в ходе исследования, благодаря сопоставлению языковых единиц, реализуемых в четырех стратегиях.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты внесут вклад в развитие политической лингвистики, а также смежных дисциплин, таких как риторика, теория речевого воздействия, анализ текста. Кроме того, полученные данные об успешных актах коммуникаций помогут выстроить систему наиболее приоритетных языковых единиц.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах ВУЗов при чтении таких дисциплин как политическая лингвистика, риторика, языкознание, теория речевого воздействия, художественный анализ текста, теория дискурса, прагмалингвистика, стилистика, лингвистический анализ текста, а также при руководстве курсовыми и дипломными работами бакалавров и магистров, обучающихся по соответствующим направлениям подготовки.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области политической лингвистики (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, R. Wodak), риторики (И. А. Стернин, О. С. Иссерс;

John L. Horn, Jacob L. Mey), общей и частной теории дискурса (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, О. Н. Паршина), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов; G. Lakoff, R. W. Langacker), теории языка (В. Н. Немченко, Н. Ф. Алифференко), прагмалингвистики (Дж. Серль, О. Г. Почепцов, J. M. Killingworth, M. Nordlund), стилистики и фразеологии (В. М. Савицкий, Э. М. Береговская).

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Эффект коммуникативной стратегии определяется посредством тех или иных языковых средств, от выбора которых зависит конечный результат.
- 2) Одни языковые средства несут в себе больший воздействующий эффект, нежели другие. Их определение в речи и комбинации в дальнейшем помогут выстроить убедительную речь, а в некоторых случаях и приукрасить её.
- 3) Языковые единицы в политическом дискурсе лидеров Великобритании и Франции скомбинированы по-разному, и зачастую определяются национальным характером.
- 4) Коммуникативное воздействие в британском и французском политическом дискурсе реализуется на разных языковых уровнях и представляет собой функционально-прагматическую систему. В данной системе элементы языка упорядочены определенным образом, что позволяет выстроить успешную коммуникацию.

Апробация работы. Основные положения и отдельные выводы работы были представлены в выступлениях на региональных и международных конференциях: Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, УрГПУ, 2021); международный педагогический форум "Стратегические ориентиры современного образования" (Екатеринбург, УрГПУ, 24-25 сентября 2021); XV международная студенческая научно-практическая конференция «Гуманитарные науки. Современное состояние и перспективы развития» (Екатеринбург, 2021); международный научно-методический семинар «Современные образовательные технологии и тенденции в преподавании»

(Екатеринбург, УрФУ, 26 апреля 2022); IX международная научно-практическая конференция молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, УрГПУ, 17 марта 2022). Содержание работы отражено в публикациях по теме исследования.

Логика изложения результатов исследования, его цель и задачи, а также характер объекта и предмета изучения определили **структуру работы**. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников, включающих 162 наименования, а также 4 приложений. Общий объем работы составил 113 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируется цель, задачи, определяются объект, материал и методы исследования, дается характеристика работы с точки зрения её новизны, теоретической и практической значимости, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Теоретические основы исследования коммуникативных стратегий в современном президентском дискурсе**» посвящена изучению политического дискурса как объекта лингвополитических исследований, а также выявлению коммуникативных стратегий в современной политической коммуникации.

Политический дискурс представляет собой явление, имеющее особое социальное значение в жизни общества и не поддающееся однозначному определению.

На данном этапе развития науки политический дискурс как сложный и многогранный феномен является объектом междисциплинарного изучения,

представляя особый интерес для таких отраслей научного знания, как лингвистика, политология, психология, социология и некоторых других наук.

Несмотря на то, что язык политики (и непосредственно речь политиков как результат актуализации средств данного языка) является объектом внимания исследователей еще со времен Древней Греции и Древнего Рима, когда предпринимались первые попытки описать и систематизировать основные риторические ходы для придания речи благозвучия и большей убедительности, в научной среде до сих пор не существует однозначного понимания данного феномена с точки зрения определения его границ, признаков, функций, методов и подходов к изучению и даже его существования.

Все большее внимание исследователей политического дискурса в настоящее время привлекает такой феномен, как речевая манипуляция, осуществляемая политиками – продуцентами различного рода сообщений, функционирующих в пределах политического дискурса и его разновидностей и, как мы полагаем, формирующих особые текстотипы политического дискурса.

Основным подходом при изучении данных текстотипов в настоящее время является тактико-стратегический подход, состоящий в выявлении и описании различных коммуникативных тактик и стратегий, используемых продуцентами в политическом дискурсе.

В работе рассмотрены определения понятия «политический дискурс» (Т. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Б. П. Паршин, А. Н. Баранов, Е. Г. Казекевич), обозначены функции (Е. В. Афанасенко, П. Чилтон, К. Шефнер), а также сформированы и исследованы узкоспециальные сферы, которые положили начало новым научным школам таким, как политическая лингвистика (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев), политическая коммуникация (Г. Лассуэл, П. Лазерсфельд).

Проанализированные определения позволили сделать вывод, что, несмотря на различные трактовки понятия «политический дискурс», данный

феномен имеет следующий объект - процесс регулирования деятельности при помощи речи.

В ходе исследования были рассмотрены функции политического дискурса, а также классификации функций, предложенные как отечественными, так и зарубежными учеными, такими как Е.И. Шейгал (выделено 7 инструментальных функций: функция социального контроля, функция легитимизации власти, функция ориентации, функция социальной солидарности, функция социальной дифференциации, агональная функция, акциональная функция), Е.В. Афанасенко (4 функции: суггестивная функция, информативная функция, экспрессивная функция, магическая функция), D. Graber (3 функции: функция распространения информации, функция постановки темы, функция ориентации на будущее и прошлое), Р. А. Chilton и Stephen R. Schaeffner (5 функций: функция принуждения, функция оппозиции, функция симуляции, функция легитимизации, функция делигитимизации). Особого внимания заслуживает классификация функций политического дискурса на основании реализации мотивов носителей определенной партийной идеологии предложена Р. Водак, которая выделяет:

- персуазивную функцию, реализующуюся в убеждении, агитировании, пропагандировании идей партии;
- информирующую функцию, направленную на распространение информации об идеологии партийной группы;
- аргументативную функцию, направленную на убедительное связывание партийных программ с ценностями и традициями;
- дистанцирующую функцию, направленную на представление партийной идеологии как выгодно превосходящей идеологии других партийных групп;
- интегрирующую функцию, направленную на отражение в программе идеи единения партийной группы [Водак 1997:23].

Языку политического дискурса также характерна релевантность разнообразию при подборе и употреблении языковых средств, одновременные

доступность и сложность при понимании употребляемых специальных терминов, использование множества грамматических форм и комбинаций лексики, отсутствие однообразности текстов при их построении. Вдобавок он характеризуется особым словарем (запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений), смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений. Опорой политического дискурса являются также актуальные временные реалии. Речь политических субъектов становится важнейшим средством их коммуникативной компетентности, одновременно являя собой уникальный «продукт», по которому возможно идентифицировать того или иного политика. Она наполнена специфическими речевыми конструкциями, которые дают возможность активно воздействовать на слушателей-адресатов. Таким образом, язык политического дискурса как средства ведения борьбы за власть использует богатые языковые, когнитивные и коммуникативные инструменты, что позволяет некоторым политическим силам как участникам этой борьбы обрести и удержать власть. Инструментальный характер политического дискурса реализуется в оперировании политическими понятиями; политическими притязаниями; политическими аргументами; ультиматумами; категорическими требованиями; эзоповскими речами, содержащими явный или неявный политический подтекст; социально-политической мимикрией; всякого рода имитациями. Все это обусловлено необходимостью повлиять на адресата, донести информацию и побудить к соответствующим действиям. Это позволяет выделить еще одну отличительную особенность политического дискурса - его массовость и неопределенность границ коммуникантов. Мы связываем это с мнением В. И. Карасика, отмечающего, что средой существования языка политики является массовая информация, а по причине ориентации политического общения на массового адресата политический дискурс выходит за институциональные рамки, характерные для любого специального языка.

Аргументом в этом случае является и то, что сама политическая деятельность предполагает поддержку широких слоев населения.

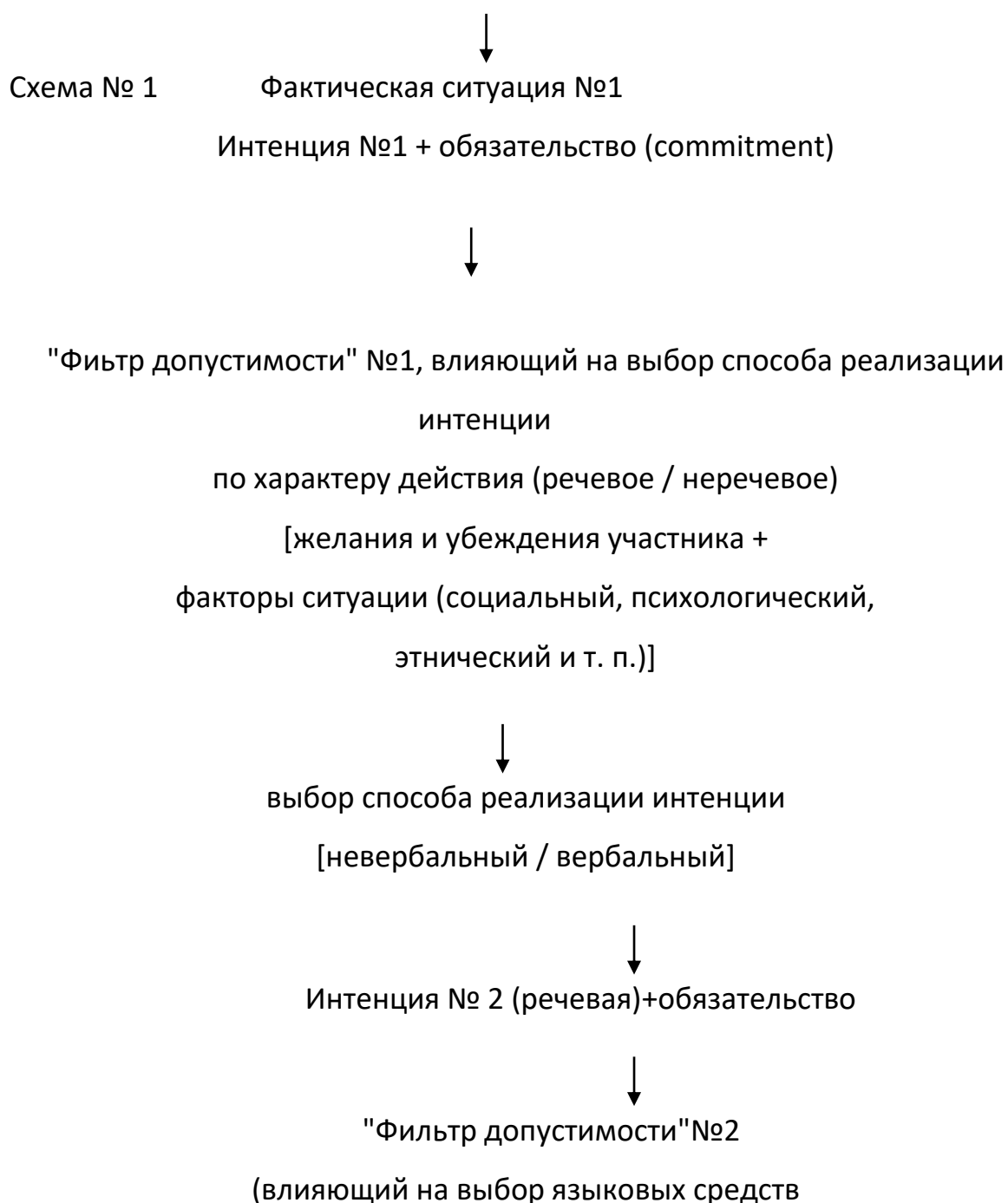
Во второй главе **«Коммуникативные стратегии в современном политическом дискурсе Великобритании и Франции»** обозначены языковые средства речевого воздействия в современном политическом дискурсе лидеров Великобритании и Франции, а также проведен сравнительный анализ данных языковых средств.

Анализ речи британских и французских политиков показывает, что довольно часто политики - продуценты данных манипулятивных сообщений прибегают к актуализации таких мишеней манипуляции, как эмпатия (альтруизм), смех (чувство юмора) и ритм, основанный на повторах. Изучение данных о происхождении этих феноменов позволяет нам утверждать, что перечисленные выше мишени манипуляции имеют этологическую природу и могут быть отнесены к классу этофизиологических мишеней манипуляции массовым реципиентом: эмпатия, смех и реакция на повтор являются если не инстинктивными программами, то производными или своего рода «побочными эффектами» определенных инстинктивных программ. Рассмотрим подробнее особенности речеактовой актуализации данных мишеней.

Попробуем применить идею планирования для построения абстрактной модели речевого общения с участием коммуникативной интенции.

Возникновению каждого конкретного намерения предшествует определенный отрезок объективной действительности с определенным набором временных, локальных, социальных, психологических и параметров, способных повлиять на порождение интенции и на выбор способа ее реализации. Как правило, собственно речевому намерению предшествует решение участника фактической ситуации изменить данную ситуацию в лучшую для себя сторону, если в существующей фактической ситуации его что-либо не устраивает. Для достижения желаемого изменения участник ситуации под влиянием определенных факторов, действующих как допустимый, может выбрать один из двух способов - *невербальный* (не предполагает выполнения речевых действий)

или *вербальный* (выражение намерения с помощью соответствующего вербального акта). В случае выбора второго варианта у участника формируется собственно речевая интенция, то есть намерение выразить существующее желание с помощью языковых средств. Пройдя через соответствующий фильтр допустимости, данное намерение реализуется в речевом акте. Схематично данная модель действий участника представляется нам следующим образом:

для реализации интенции №2)

реализация интенции в речевом акте и.т.п.

Хотя представленная нами на данном этапе схема имеет довольно упрощенный и обобщенный характер, мы считаем, что теория пошагового планирования, в применении к говорящему как продуценту речевого действия, во многом объясняет механизм вербального оформления речевых намерений. Так как нас в нашем исследовании интересует в большей степени именно речевая интенция, то объектом нашего внимания становится отрезок планирования действий, начинающийся с возникновения речевой интенции и заканчивающийся "оформлением" этой интенции в вербальном акте. Мы склонны предполагать, что данный отрезок имеет гораздо более сложную интенциональную структуру и для того, чтобы доказать это, нам нужно рассмотреть еще одну теорию, непосредственно связанную со структурой речевой интенции, а именно Теорию Релевантности Д. Уилсон и Д. Спербера.

Согласно рассмотренной нами модели речевого действия, все речевые акты состоят из четырех интенциональных уровней, которые указывают на цель задания (намерение говорящего правильно сформулировать свои высказывания относительно норм языка, на котором совершается речевой акт) и информационную цель (намерение от производителя), (намерение создателя убедить получателя в истинности его намерений в отношении фактов, содержащихся в сообщении) и непрерывное намерение (намерение создателя передать свои намерения в отношении фактов, содержится в уведомлении). Итак, в речевом акте обещания информационная цель представляет собой ту часть высказывания, которая, с точки зрения традиционной грамматики английского языка объясняется отглагольными наречиями.

Рассмотрим несколько примеров из политических речей и выделим языковые средства достижения определенного перлокутивного эффекта .

a) The country is too centralized. Parliament is too weak. And the Government is too top-down, too secretive and *too unwilling to give up power*.

(David Cameron: Constitutional Renewal Bill response,
<http://www.conservatives.com>)

В примере а) говорится о нежелании правительства отказываться от власти, несмотря на свою несостоятельность, что, по мнению продуцента, становится доказательством эгоистических побуждений людей, стоящих у власти.

b) Let me say that the vast overwhelming majority of our Labour Members of Parliament are in Parliament *not out of self interest but to serve the public interest*. And our new generation of Parliamentary candidates want to join them *not to make a personal gain but to make a difference*.

(Theresa May: Speech to Labour Conference,
<http://www.labour.org.uk>)

Представление целей продуцента в данном микротексте подается при помощи оппозиции «благородный мотив – корыстный интерес» (*not out of self interest but to serve the public interest; not to make a personal gain but to make a difference*), при этом подчеркивается, что партия продуцента (в отличие от партий оппонентов) ставит интересы страны выше личных интересов (лексемы-номинанты *self, personal, difference*).

В примере с) планируемым перлокутивным эффектом продуцента становится создание негативного образа оппонентов через разоблачение с помощью оппозиции «анонсируемая продуцентом цель» (*choice for patients, reform*) – «реальная цель продуцента» (*choice for bureaucrats*).

(David Cameron: Speech to Welsh Conservative Party Conference,
<http://www.conservatives.com>)

d) *We don't want to win for winning's sake, just to get our feet under some council table or some ministerial desk. We want to win for a purpose - to bring about*

deep, positive and lasting change to the country we love. And that change is all about one thing: responsibility.

Our aim is to help build a more responsible society.

(David Cameron: Speech to Welsh Conservative Party Conference,
<http://www.conservatives.com>)

Данный микротекст построен на оппозиции «благородный мотив» (*to help build a more responsible society*) – «получение власти для удовлетворения собственных амбиций» (*just to get feet under some council table or some ministerial desk*). Продуцентом используются типичные средства актуализации исследуемой мишени: лексемы-номинанты (*win, aim, purpose*) и микротекстовая оппозиция, основанная на возможной разнице целей стремления к власти.

Микротекст содержит три метафорических предложения. Первая метафора - это воплощение политики оппонента (консерватора Дэвида Кэмерона), который негативно характеризует его как несправедливое притязание на власть. Вторая метафора (страна находится в рецессии) актуализирует особенности проприорецептивного восприятия реципиента, создавая негативный образ ощущения чего-то зыбкого и неустойчивого. Третья, метафора дома, которая представляет собой образ конструктивного здания, формирует положительные ассоциации с стороной, создающей сообщение.

a) "Depuis 40 ans, des Le Pen sont candidats à la présidentielle. Mais tout cela ne m'intéresse pas. Vous allez continuer votre logorrhée, comme vous le faites à longueur d'interventions. C'est vraiment un galimatias "

(Emmanuel Macron)

Французский президент непринужденно употребляет просторечную лексему "galimatias".

Знаменит политический дискурс Э. Макрона такими редкими, мало кому понятными лексемами и понятиями, как, например, "irénisme" (дословно «тенденция, направленная на установление мирных отношений между

представителями различных вероисповеданий, прозвучавшая во фразе президента во время церемоний 11 ноября 2017 года, посвященных памяти жертв Первой мировой войны: "Je ne céderai pas à un irénisme naïf", «Я против наивной веротерпимости»; редкой лексической единицей «*anomie*», означающей отсутствие норм и законов; лексемой "*idiosyncrasie*", что переводится как «повышенная чувствительность», «личная особенность» и «отличительная черта характера» в философии и психологии; языковой единицей "*remanence*" [там же], дословно переводимой как «остаточный магнетизм», «послесвечение», «инерционность»; лексемой "*disruption*", означающей «распад», «раскол», «разрыв», «дезинтеграция». В ходе одного из своих выступлений в Германии Э. Макрон употребляет следующее любопытное словосочетание: "*la vraie disruption sur le scientifique et industriel*", означающее дословно «настоящий раскол между наукой и промышленностью» [там же].

b) "Ce qui est *croquignolesque* dans le monde où nous vivons, c'est que nous finançons le logement social mais il augmente les loyers et nous finançons de l'autre côté les locataires. On dépense des deux côtés!"

(Emmanuel Macron)

В речи политика можно отметить обилие неологизмов, лексических авторских инноваций, метких ироничных образных высказываний, в том числе блендинга. В примере выше представлен неологизм "*croquignolesque*", дословно «невероятный».

Как мы видим из примеров выше, британские и французские политические деятели оперируют различными языковыми единицами. Зачастую выбор тех или иных единиц обуславливается речевой интенцией. Исследование речевых ситуаций, взятых из британского и французского политического дискурса также позволило установить, что национально-культурная специфика обуславливает комплекс речевоздействующих средств в данном политическом дискурсе.

В **заключении** подводятся итоги проведенной работы, обобщаются ее основные результаты. В перспективе дальнейшего исследования данной тематики планируется провести анализ речевых ситуаций с учетом экстралингвистических факторов.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях автора**:

1. Губанова, Ю.В. Коммуникативные средства достижения аргументационной стратегии / Ю.В. Губанова // Гуманитарные науки. Современное состояние и перспективы развития: сборник статей XV Международной студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство «ИМПРУВ», 2021. – С. 121-125.

2. Губанова, Ю. В. Identifications of Communicative Memory in Modern Massmedia / Ю.В. Губанова // Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире: материалы IX международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках. 17 марта 2022 г. Часть I / Уральский государственный педагогический университет ; под редакцией Н. Н. Сергеевой. – Екатеринбург, 2022. – С. 17-21.